

Личность в контексте культуры

Галина Афанасьева-Медведева

ССЫЛКА И КАТОРГА В НАРОДНОМ САМОСОЗНАНИИ СИБИРЯКОВ

Ссылка и заселение Сибири

Ссылка – социальное явление, внедрившееся в общественную жизнь Сибири со времен первоначального освоения ее русскими землепроходцами*. Она изначально была карательной мерой, но при этом ей отводилась роль и «штрафной колонизации». Высылая «на вечное жительство» или на каторжные работы неугодных и провинившихся, правительство рассчитывало этим одновременно увеличивать «колониционный контингент». Объективно лишь небольшая часть ссыльнопоселенцев способствовала формированию старожилого крестьянского населения, и, безусловно, политические ссыльные внесли значительный вклад в развитие культуры региона**, основная же масса ссыльных, особенно из числа тех, что направлялись в Восточную Сибирь, состояла из «деклассированных элементов, не способных к земледельческому труду» [1]. Даже если у ссыльнопоселенца было желание «осесть на пашню»***, сделать это было почти невозможно из-за отсутствия материальных средств, а также этому препятствовала и сложившаяся в Сибири система землепользования. В результате ссыльные или шли в работники, образуя тем самым беднейшую часть крестьянского населения, или отправлялись на прииск, или, что наблюдалось довольно часто, «находились в безвестной отлучке» [3], то есть бежали. Как писал Н.М. Ядринцев, «ссылка наполняла Сибирь бездомным, несчастным пролета-

* Учрежденный в Тобольске еще в 1586 г. Разбойный приказ занимался ссылкой в Сибирь беглых крестьян, участников народных выступлений и уголовных преступников. Ссылка в Сибирь ведет начало с XVI в.

** В общей массе ссыльных политические составляли менее 1%.

*** Выражения «осесть на пашню», «оседать на пашню» употреблялись в Сибири в значении «стать пашенным крестьянином», заняться земледелием [2].

Ссылнокаторжные
и вольная
колонизация

риатом, который не создал постоянного гражданского элемента, но постоянно вымирал» [4].

Восточное Забайкалье было местом сосредоточения наиболее тяжелого контингента уголовной ссылки – осужденных по суду каторжан. Нерчинский округ был превращен «в главный в Восточной Сибири <...> район размещения ссылнокаторжных» – в этом заключалась особенность формирования населения этого региона, резко отличавшая его от других уездов Восточной Сибири, где большая часть поселенцев поступала в порядке вольной народной колонизации» [5]*. Труд каторжан использовался здесь при разработке казенных золотых приисков (Каринская каторга).

Обилие беглых

На территории Восточного Забайкалья все болезненные проявления каторги и ссылки проступали наиболее ярко. Среди них своей разрушительной энергией в духовном плане особо выделялось такое явление, как обилие беглых [7]. Край был наводнен «чалдонами»**, бежавшими как с мест поселения, так и из тюрем. В «бегах» находилось от половины до двух третей числившихся ссылных и каторжан*** [9]. Основная масса их гибла, «а до момента гибели напрасно «отягощала» собой сибирское население» [10]. Как писал Н.М. Ядринцев, в лице беглых «крестьянство столкнулось со стихийной массой», которая «постоянно разрушает его благосостояние», совершает разного рода преступления и оказывает на него «растлевающее и губительное нравственное влияние» [11].

Бродяжничество
в восприятии
сибиряков

Как же сами русские старожилы воспринимали различные проявления ссылки и прежде всего *бродяжество*, бывшее причиной их постоянного беспокойства, источником социального неблагополучия на сибирской земле? Неизбежное столкновение, вынужденное общение с беглыми были своего рода испытанием духовного потенциала сибирского крестьянства. Особенности восприятия каторги и ссылки крестьянами, характер взаимоотношений их с беглыми раскрываются в рассказах и преданиях сельских жителей, образуя-

* Указом 1701 г. предписывалось всех беглых из России крестьян, объявившихся в Сибири, переселять в Нерчинское воеводство. По Указу Петра I от 10 февраля 1722 г. осужденных на каторжные работы направляли на нерчинские рудники. После 1851 г. Нерчинские заводы стали комплектоваться одними лишь «ссылнокаторжными и детьми горно-заводских служителей и нижних чинов» [6].

** «Чалдон» – слово монгольского происхождения, обозначающее вор или каторжанин» [8].

*** Н.М. Ядринцев выделял беглых как особую устойчивую социальную группу.

Сюжетно-тематический цикл текстов «Сельская община и ссылка»

щих сюжетно-тематический цикл, условно обозначенный нами «Сельская община и ссылка».

Повествования образуют несколько устойчивых тематических групп:

1. Народное восприятие каторги и ссылки (рассказы о дедах и прадедах, сосланных в Сибирь; о каторжных тюрьмах; о Разгильдееве, первом начальнике Каринских золотых приисков).

2. Рассказы о враждебном отношении к беглым каторжанам.

3. Рассказы об обычае выставлять на ночь хлеб и молоко для беглых.

4. Повествования о проявлении крестьянами доброжелательности во время случайных встреч с беглыми.

5. Рассказы об оказании регулярной помощи беглым.

Рассмотрев последовательно рассказы обозначенных групп, мы сможем выйти на семантический уровень тематического цикла «Сельская община и ссылка» и выявить тем самым актуальное смысловое содержание составляющих его повествований.

1. Народное восприятие каторги и ссылки

Отражение каторги в народной топонимике

Забайкальского селянина повсюду окружали приметы каторги и ссылки. Названия сел давались в память о ссыльных поселенцах, названия мест сохраняли имена беглых каторжан, наименование реки Кара народная топонимика связывала с каторгой: «Падушки наши так называются – по именам. Вот падь – Роголёв. Был такой заключённый. Он бежал из тюрьмы. Проживал там, на этой падушке, так и назвали... Шемелёва падь – 20 километров отседа. Политический был, бежал, проживал там, его не поймали. Уж это старики рассказывали. <...> Река-то наша называется так, что людей карали, издевались на каторжными, и вот Кара...» [13] (см. также далее текст №1).

Известие о побегах с каторги не было ни для кого неожиданностью. Как отмечается в предании Ф.А. Балагурова, побеги совершались ближе к весне, и «наводнение» в весенне-летний период лесов бродягами было явлением обыденным, о чем свидетельствует и закрепившееся за «кочующими» летом чалдонами прозвище «кокушкин батальон». «Раньше было много беглых. Как весна – так они и появляются. Только ко-

* Падушка, — и, ж. – Небольшая падь, глубокая неширокая долина [12]. (В словаре слово приведено с иной расстановкой ударения: «падушка»).

Взаимоотношения
беглых и сельских
жителей

кушка закокует, их полно. <...> Живут они порознь, хоронятся, а их называли «кокушкин батальон» [14].

Прохождение беглых через село было типичной особенностью сибирского быта, и по необходимости в общине сформировались некоторые традиции и обычаи, регулирующие взаимоотношения между беглыми и сельскими жителями. Селянами, как правило, управляло при этом чувство человечности и доброты. Такого рода направленность отношения к беглым имеет историческое основание, своеобразно раскрываемое в самих устных рассказах.

Забайкальцам свойственно обостренное чувство истории и глубокий интерес к далекому прошлому своей земли. Примечательно, что, осмысляя историю заселения края русскими, старожилы связывают ее со ссыльными, часто – с каторжанами*.

Во многих семьях из поколения в поколение передаются предания о прадедах, сосланных в Сибирь на каторгу или на поселение, при этом в качестве причины ссылки чаще всего упоминается факт проявления ими правдо- или свободолюбия. «Не отец, а его... отец – ссыльный был, – рассказывает А.Г. Петров (1893 г.р.). – Вора убил, конокрада, – лошадь украл. В праздник гуляли, говорит. <...> А этот, отцовский отец выскочил, стяг в ограде поймал, догнал его и убил стягом. Ему 13 лет дали» [16].

Каторжане –
основатели
крестьянских родов
Забайкалья

Согласно преданиям, бывшие каторжане или ссыльные поселенцы становились основателями крестьянских родов в Забайкалье. Даже если пращур был сослан за преступление или за провинность, память о нем бережно передавалась в роду из поколения в поколение хотя бы потому, что он сумел выжить в суровых условиях сибирской тайги и часто – инородческого окружения. В повествовании Б.Г. Артемьева своеобразно воссоздается история освоения Забайкалья «штрафными колонизаторами»: «А как их сюды ссылали? Когда их на Шилку вывозили, каторжники сами плоты делали, и потом их везут. И вот видят: тунгусы живут, поселение их, значит. Ну, ладно, место хорошее, жить можно. Вот их и высаживают. Это чтоб границы укреплять. Здесь потом для этого и организовали забайкальское казачество» [17].

Подчас неизбежным оказывалось не только соседство с тунгусами, но и возникновение родственных связей. «Наш народ от тунгусов пошел. Луковников сосланный сюда с запада был. Глушь была. Сошелся с

* Каторга – один из видов ссылки в Сибирь. Каторжные – одна из девяти категорий ссыльных [15].

Сочувствие
к беглым

тунгуской. И от ее род здесь наш пошел. И родство и пошло, и пошло. А она охотилась. Тут все тропы звериные ее были, угожья большие» [18].

Для крестьян, чей род шел от пращура, сосланного в Сибирь на вечное поселение, естественным было проявление сочувствия к «тюремным чалдонам».

Формированию сочувственного отношения к беглым содействовало также то, что Забайкалье было местом сосредоточения каторжных тюрем (Нерчинская тюрьма, Каринская каторга), прославившихся жесточайшим режимом содержания заключенных. Ни усиленная охрана, ни, казалось бы, полная изоляция каторжан от внешнего мира не могли стать преградой для «народной газеты», распространяющей среди жителей окрестных деревень слухи и вести, сообщавшие подробности о жизни заключенных. Рассказы о произволе тюремщиков, об унижениях и издевательствах, которым подвергались каторжане, об их протесте, голодовках, самоубийствах сохранились в живом бытовании до настоящего времени. Думается, в конце XIX – начале XX в. истории эти были известны в каждой крестьянской семье.

Здесь же уместно отметить, что несколько поколений забайкальцев были воспитаны на преданиях о Разгильдееве, первом начальнике Каринских золотых приисков, использовавшем труд заключенных. Образ Разгильдеева стал символом жестокости и бесчеловечности: «Зверь был, а не человек» [19], «около тыщи людей угробил, покаместь намывал это золото по Каре» [20]. По глубокому убеждению забайкальцев, тюрьмы для каторжан вплоть до их закрытия были средоточием разгула *разгильдеевщины* (т.е. произвола и жестокости). Попытка к бегству от разгильдеевщины встречалась в народе с пониманием.

Уважение
к политическим

Следует учесть также преимущественно уважительное отношение сельских жителей к политическим заключенным. Почва для этого была подготовлена преданиями о сосланных декабристах. Уважение у крестьян вызывала прежде всего их самоотверженность. Вот как размышляет об этом С.Г. Бутин: «И вот удивительно то, что из богатого сословия. Грамотны-то – богатых были дети...» [21].

Определенный аспект народного восприятия ссылки и каторги, раскрывшийся в устных рассказах и преданиях Забайкалья, делает объяснимым проявление гуманности и милосердия по отношению к беглым. Именно такого рода взаимоотношения между двумя сторонами нашли художественное воплощение в большинстве имеющих в поле нашего зрения повествова-

ний. Известно в то же время, что в действительности отношения между крестьянством и бродяжеством были довольно противоречивыми. В устной прозе эта сложная реальность проявилась как наличие повествований, в которых отразилось настороженное или враждебное отношение к беглым как к чужакам, которых стоит опасаться.

2. Рассказы о враждебном отношении к беглым каторжанам

Разорение беглыми

Первопричиной негативного отношения к беглым была способность последних доставлять малые и большие неприятности поселянам. Мы располагаем лишь одним рассказом с таким содержанием, в нем описывается случай нанесения материального ущерба сельским жителям: «Раньше эти политически-то были? Их называли чалдонами. Оне из тюрьмы выбежали... Оне вот на эту деревню и напали, на Кунгару-то. <...> Оне чё надо взяли у их [жителей]. Хлебишко собрали всё. Разорили их» [22]. Факт этот в силу своей исключительности отразился на местной топонимике (падь, где поймали этих чалдонов, называли «Разбойники») и даже повлек за собой, по словам рассказчика, перемещение села на другое место.

Как отмечал Н.М. Ядринцев, последствием вечно-го скитания бродяг нередко в самом деле становились преступления. Чаще это были кражи, реже – поджоги и разбойные нападения [23]. Из боязни, что чалдоны «что-нибудь скрадут или напакостят», крестьяне порой выдавали их властям. Случаи поимки бродяг нашли отражение в нескольких повествованиях (см. далее тексты № 2, 4, 5).

Особенно враждебное отношение к чалдонам проявляется в рассказе Ирины Степановны Рязанцевой «Девка с чалдонами разделалась» (см. текст № 5). Рассказчица сообщает о случае, происшедшем еще с теткой ее матери. В рассказе описывается столкновение в лесу девок, отправившихся по ягоду, с чалдонами. Такая ситуация нередко возникала в жизни и имела, как правило, трагический исход для крестьянских женщин [24]. Здесь же девушки проявляют смелость и находчивость и одерживают верх над лесными бродягами. Вначале они вызволяют подружку, которую чалдон повел было в лес, схватив за косу. «И вот сучья набрали и побежали за ём, давай его хлестать – и забили до смерти, этого мужика».

Затем на дороге им встречаются еще двое чалдонов, и тогда старшая (тетка) пугает их, представившись чертихой или лешачихой.

Внушение детям
страха перед
беглыми

Придя в деревню, девушки сообщают о своем злоключении. Мужики отправляются в погоню «с уружьями» и всех чалдонов забирают.

Страх перед беглыми внушался детям. Образ страшного, одичавшего чалдона-похитителя и поныне встречается в детских «запугах»: «Сейчас у нас детишек всё чалдонами пугают, – рассказывает С.Н. Шестаков (1959 г.р.). – Каторжане раньше бежали через наше село. <...> Вот этими чалдонами детей и пугали: будешь реветь, чалдон из-под моста выскочит и утащит» [25].

Детское восприятие чужого, непонятного пришельца передается в рассказе П.Д.Тонких «Беглый ломится в дом» (см. текст № 3). Об этом случае поведала рассказчице ее свекровь: «И вот, говорит, ломится, лезет рукой-то, заложку-то обложить надо, а мамы-то, говорит, не было, а мы-то большие уж были. – Две сестры они были. – А мы, говорит, колотим, ну, тоже палкой по рукам-то, но он-то, говорит, <...> не мог попасть-то к нам. Отбиваем его руку-то, бьем, больно, а он вытаскиват». Особое значение имеет в этом повествовании художественная деталь: рука незнакомца, увиденная детскими глазами*. Рассказы, в которых воссоздавалось детское восприятие чужака, передавались в течение нескольких десятков лет уже взрослыми людьми, и в них выражалось чувство страха, занимавшее определенное место в отношении к беглым.

И все же, несмотря на то, что беглые нередко воспринимались крестьянами недоверчиво и настороженно, в народном сознании понятия «чалдон» и «разбойник» не сливаются, разграничиваются.

Разбойники-злодеи в устной несказочной прозе чаще бывают представлены в двух ситуациях.

Разбойник в доме

Первая – «Разбойник в доме». Здесь возможны два варианта развития действия: 1 – торжествуют силы зла (в повествованиях такого типа можно встретить описание пыток, совершаемых злодеями с целью выведать, где хранится золото или деньги; завершается рассказ изображением кровавой расправы со всеми членами семьи, в результате чего или все погибают, или в живых остается кто-то один, обычно ребенок, от которого односельчане и узнают о происшедшей трагедии (см. текст № 6); 2 – побеждает справедливость: хозяйка дома хитростью избавляется от разбойника, жестоко расправившись с ним, чаще всего – обваривает непрошеного гостя кипятком (см. тексты № 7 и 8).

* Данная художественная деталь встречается также в тексте № 4.

Разбойник на дороге   Вторая ситуация – «*Разбойник подкарауливает свою жертву на дороге*». Здесь также возможно двоякое разрешение конфликта: 1 – злодей убивает жертву (во время разбойного нападения; хитростью заманив человека к себе в дом) или совершает ограбление без убийства (см. текст № 9); 2 – преследуемому удается скрыться (см. текст № 8).

Среди повествований о разбойниках-злодеях довольно часто встречаются новеллистические рассказы (может отсутствовать ссылка на место и время действия, герои рассказа – не конкретизированы («некая женщина», ее муж, «одна семья» и т.д.), сюжет заострен, действие драматизировано. Такие нарративы в народе иногда называют досюльщинами или страшными былями (см. тексты № 6, 7, 8).

Разбойник в рассказах – или изначально порочный человек, или «переродившийся» беглый, ожесточившийся и озлобленный. Обычный же чалдон в не сказочной прозе предстает чаще в образе беглого-нищего. Поведение его описывается как довольно безобидное: «А вот кормить ставили... им специально. Ставили, чтоб не ломился, не лез, а наелся – им больше ить – только поисть надо, поисть и убежали. Уходили, чрез это село всё шли» (текст № 3).

3. Рассказы об обычае выставлять на ночь хлеб и молоко для беглых

Обычное право
прохода бродяг
по деревням

Как писал Н.М. Ядринцев, «бродяги издавна ложились страшной тяжестью на местное население» [26], но поскольку прохождение беглых через сибирские земли было неустранимой реальностью, крестьянская община выработала целый ряд приемлемых форм общения между беглыми и поселянами. Все эти формы были проявлением утвердившегося в Сибири «обычного права прохода» [27] «бродяг по деревням, если они не досаждают грубыми нарушениями» [28]. Прохождение беглых через села, заимки, даже через пашни и другие крестьянские угодья неизменно сопровождалось оделением их милостыней со стороны сельских жителей.

Подаяние
милостыни

Подаяние милостыни могло быть открытым и «анонимным». Открыто милостыня подавалась в ответ на ее «прошение» бродягами, проходящими через село днем. Скрытой формой подаяния был обычай оставлять съестное в закрепленных традицией местах с тем, чтобы бродяга мог поддержать свои силы и продолжить путь. «В разных местах Сибири, – сообщает Н.М. Ядринцев, – заведен обычай оставлять подаяние в поле и в деревнях во время страды; в Забайкалье ос-

тавляют омулей для проходящих бродяг; в Иркутской губернии припасают хлеб и мясо по заимкам; на Барабе ставят молоко и хлеб около изб для того, чтоб не беспокоили хозяев» [29].

В устных рассказах, записанных в Восточном Забайкалье, упоминается преимущественно вторая, скрытая форма оделения милостыней «прохожих»*, причем согласно региональной традиции съестное требовалось оставлять в специально подготовленном для этого месте.

Крынка молока
и коврига хлеба

В фольклорном сознании забайкальцев живет устойчивый образ крынки молока и ковриги хлеба, представляемых из дня в день, из года в год на ночь в сенное оконце. Называют такие окошечки ланцовками – по фамилии Ланцова, одного из общеизвестных каторжан**. Хозяин, мастера надежный засов к двери, одновременно прорубал ланцовку.

Обычай этот был широко распространен в Восточном Забайкалье, о чем свидетельствуют записи, сделанные в разных районах Читинской области (Чернышевском, Сретенском, Газимурозаводском, Нерчинском).

Н.М. Ядринцев называет несколько причин, побуждающих крестьян «подавать бродягам милостыню и давать им приют», – это «опасение от них воровства, боязнь их мести и жалость к их положению» [33]. В ряде устных рассказов выставление на ночь съестного в ланцовку объясняется желанием хозяев избавиться себя от беспокойства: «<...> крынку ставили, <...> чтоб не ломился, не лез» (текст № 3), но одновременно, даже при таком объяснении, раскрывается и этическое содержание обычая. Один только страх не мог быть причиной изобретения ланцовки и ежевечерних забот хозяйки о

* Описывая, как свободно идут бродяги от деревни к деревне, Н.М. Ядринцев замечает: «Бродягам незачем даже скрывать, кто они такие: они прямо называют себя «прохожими» [30].

** Пересказывая сюжеты «бродяжеских мифов» (рассказов, преданий, легенд), Н.М. Ядринцев упоминает Ланцова как одного из «новых героев бродяжества» [31]. О нем, как и о других популярных в бродяжеской среде героях, слагались песни. Н.М. Ядринцев дает им краткую характеристику: «Песни бродяжеские наполовину острожные, потому что судьба бродяг постоянно связана с острогом». Основным содержанием их оказываются «похождения бродяг-героев, как например Ланцова» [32]. В 1970–1980-е гг. нами, участниками фольклорных экспедиций, неоднократно записывались различные варианты песни о победе Ланцова из тюрьмы. См. также текст № 10.

том, чтобы вовремя были выставлены «хлеб-соль». Все это делалось не из страха, а из совести.

В большинстве рассказов обычай этот прямо характеризуется как форма сознательной помощи беглым каторжанам. Рассказывает Филипп Назарьевич Тюкавкин (1906 г.р.): «Я помню, что дед мне еще рассказывал, говорили, раньше бродяжками каторжан звали. Бродяги.

Старушки вот были всё-таки *сознательны*, булку хлеба и эту, крынку молока или простокваши на столб ставили*. Чтобы – уж идут оне, чтобы не громился, не стучал. Поглядит – на столбу стоит булка хлеба, отломил, наелся, да и пошел дальше. Вот так. Это вот дед мой рассказывал» [34].

Тактичная форма помощи

Судя по рассказу, крынка молока и булка хлеба на столбе – это очень тактичная форма помощи беглым: им не приходится просить, рисковать, а хозяева – не смущают беглого, не проявляют интереса к его личности («это, мол, не наше дело, куда идет человек, за чем»). Они дают возможность ему незаметно подкрепиться и уйти.

В некоторых местах обычай называли «ставить на бродяжку»: «В сенях окошечко прорублено – ставили молоко и хлеб. Так и называли: «на бродяжку» ставили. Так и говорили: «Ты «на бродяжку»-то поставила?» [35].

В рассказе репликой-вопросом подчеркивается, что выставлять молоко и хлеб было привычным каждодневным делом.

Всеобщая приверженность к соблюдению обычая отмечается также в повествовании Е.П. Ломагиной (1898 г.р.): «Сюды тоже ить все ссыльные были. Бродяги ходили. У них тут вот полочки-то у всех, у народа, у здешних-то**. Они, бродяги-то, придут – они [крестьяне] туды молока поставят, хлеба наладут. Как хороший, так съест и все сопрокинет опять, как стояло. Тут у всех были полочки, окошечки в сенях» [36].

В рассказе И.Д. Кобылкина «Беглые каторжане через село бегут» обычай скрытого подаяния истолковывается как проявление естественного желания крестьян поддержать нуждающихся: «Я помню, с бабушкой мы – я еще маленький был – все взрослые люди на покосе. Так вот. Ставят крынку простокваши на ули-

* Запись сделана в Чернышевском районе Читинской области. Там, очевидно, существовала традиция выставлять съестное не только в сенное окошко, но и на столб.

** Е.П. Ломагина переселилась в Забайкалье из Пензенской области в 1936 г.

це, буханку хлеба, дескать, зайдут – дак поедят». Здесь же отмечается исключительно мирный характер общения селян и беглых, правда, имеются в виду политкаторжане. «А такого вот и ничего, помнится <...> не делали, чтоб где-то задержали, что-то утащили, ограбили. Вот политические заключенные ссыльные были. Или с каторги сбегут, или где-то там в тюрьме убегают» [37].

Кормление беглых –
народное
милосердие
и великодушие

Кормление и своего рода «содержание» крестьянами беглых характеризуется в повествовании А.М. Бронникова (1945 г.р.) как одна из форм оказания безвозмездной помощи обездоленным, объясняемая народным милосердием и великодушием: «Раньше-то наш край сплошь ссыльные населяли, всё больше каторжане, политические. Много сел было ими населено, поселения, стало быть. Бывало, сбегали каторжане – не сладко жилось-то. А куда побежишь – степь дикая кругом, без людей загибнешь. Так вот женщины вечером на дворе оставляли на ночь молока банку, хлеба кусок, ссыльным беглым. Не мешали, стало быть, чтобы. Он придет, возьмёт всё съест и дальше пошёл. Вот как люди раньше были, гостеприимны, последне отдавали, а ведь в каждой семье детей человек по восемь-девять было» [38].

С наибольшей полнотой нравственный смысл обычая раскрыт в рассказе Петра Ивановича Русина. Прежде всего, рассказ отражает разграничение в народном сознании разбойника и беглого ссыльного. Вначале рассказчик перечисляет преступления, которые творились до революции: «...Ну, так-то тут бандитизм был в старо-то время. Примерно, свирепствовали до самого почти 23-го, 22-го года. Все шайки, шайки были. А потом кончилось... Не стало. А то грабежи, убийства. Народ-то отовсюду. Но один пристав был, ково?.. Сейчас участковый, а раньше пристав был. Где же он справится? Покупали всё, золото. Людей-то даже вот днём убьют, и сказать нельзя. <...> Всяка национальность». А когда В.П. Зиновьев, желая уточнить, кто совершал злодеяния, спрашивает: «Беглые, каторжане?», рассказчик опровергает это предположение и во второй части повествует о беглых. Таким образом, в данном речевом контексте противопоставление разбойника и беглого усиливается композиционно.

Во второй части рассказа раскрывается этика взаимоотношений крестьян и беглых: «Ну, каторжан-то сперва-то боялись, а потом их не стали бояться. Видимо, работа-то тоже среди крестьянства была. Даже вот такие в деревнях-то были случаи. Если они идут – крынку молока ставят, ковригу хлеба, по-ра-

Идеализация
образов беглых

нешному называли этот ржаной хлеб крестьянский, – и вот на полочку положат, они придут его унесут, съедят, крыночку поставят, в окошко постучат: «Спасибо, хозяйка». Потом тоже ломиться не стали, научился народ. Они так и проходили, которые побег-то делали, убегали» [39].

В рассказе создаются несколько идеализированные образы беглых, которые оценили тактичную форму помощи, «научились правилам хорошего тона», открыто выражают благодарность. (Сравним с описанием поведения «прохожих» в рассказе П.Д. Тонких (текст № 3), где они выглядят еще «недостаточно воспитанными»: «И вот утром станешь – нету, молочко выпьют, <...> и который добрый, говорит, выпьет, крынку поставит, а который – выпьет, да крынку тут же сломат возьмет, да ударит, а она, говорит, разобьется».) «Научился народ», – говорит в заключение П.И. Русин, и здесь имеются в виду обе социальные силы – и бродяжество, и крестьянство; ими была найдена верная форма поведения, благодаря которой прохождение беглых через село оказывалось безболезненным для обеих сторон.

На два рассказа хочется обратить особое внимание: в них упоминается уникальная подробность, отражающая восприятие ссылки и каторги забайкальским селянином.

Беглые как
таинственная сила

В рассказе Михаила Ильича Муратова чалдоны представлены как некая таинственная сила: «На улице у каждого был яшшичек прибитый, высоко. И ставили крынку молока или простокиши в яшшик и булку хлеба клали. *Утром встанут – уже нету. Всё ушло. А кто уташил? Чалдоны, их так называли*» [40].

Из повествования Феклы Ивановны Мосоловой мы узнаём о существующей в Нерчинском районе традиции называть эту загадочную силу «хозяином»: «Крынку молока и кто булку, кто полбулки – и поставит на улицу, полочки специальные. У нас в той избе так и щас полочки. *«А это, говорит, хозяину»*... Утром встанешь, вот интересно же было. Утром рано встану, посмотрю: ни хлеба, и крынка пуста опрокинута.

– Хозяин съел? [*Собир.*]

– Хозяин съел.

– Но их не боялись? [*Собир.*]

– Нет. Они не трогали... С разговора-то – что за хозяин – потом уж поняла, что вот это как, хозяину-то... Вот поэтому-то они и не трогали те дома, которые их подкармливали. <...> А он чё? Придет, крынку возьмет, молоко выпьет или выльет, – он же сытый день-то. Пожалуйста» [41].

Повествование позволяет заключить, что молоко и хлеб выставлялись тайно, это был скрытый обычай. Всем было понятно, для кого это, но существовало «табу», запрещено было открыто говорить, что это для беглого. Становится ясно также, что употребление слова «хозяин», несомненно, связано с поверьями о домовом, который всегда, везде наблюдает за семьей, живущей в этом доме, всюду сопровождает ее. Так и ссылка во всех ее проявлениях – вездесуща, она – везде: в родословной, в окружении, в быту. Ощущение это усиливается тем, что действительно, оказывается, у каждого дома мог быть свой чалдон-«хозяин» («Вот поэтому-то они и не трогали те дома, которые их подкармливали», – поясняет Ф.И. Мосолова). Если бродяги в течение некоторого времени задерживались возле одного села, и их оказывалось несколько, то каждый из них, случалось, «закреплял» за собой определенный дом и постоянно кормился от него.

Скрытое подаяние как таинственная особенность быта

Сама рассказчица воспринимает традиционную форму «скрытого» подаяния как таинственную особенность быта дореволюционного села, смысл которой непосвященный, к примеру ребенок, даже выросший в этом селе, мог понять только «с разговора», открыто значение действий взрослых не пояснялось.

Итак, обычай выставлять на улицу молоко и хлеб не требовал «визуального общения» между селянином и чалдоном, но предписывал помощь. Основанием долговременного бытования этого обычая было, во многом, гуманное отношение крестьян к беглым, которое еще более ярко проявлялось во время случайных личных встреч с чалдонами, а также заключалось в осознанной активной помощи им.

4. Повествования о проявлении крестьянами доброжелательности во время случайных встреч с беглыми

Случайные встречи

Собственно, случайные встречи крестьян с беглыми описываются и в рассказах о враждебном отношении к чалдонам (вторая группа). Местом неожиданного столкновения с бродягами в рассказах обеих тематических групп оказываются дом крестьянина, поле, лес. Но если в рассказах второй тематической группы отразился антагонизм, порой возникавший в действительности между обеими сторонами, то повествования четвертой тематической группы объединены совершенно иным эмоциональным тоном повествования. В них исход ситуации обусловлен доброжелательностью крестьянина и абсолютной безвредностью чалдона. Тем самым рассказы обеих тематических групп

«Разбойник – беглый» как оппозиция

оформились как художественное воплощение диалектики взаимоотношений между двумя «противоположными элементами Сибири» [42].

В рассказах четвертой группы мы можем наблюдать дальнейшее углубление оппозиции «разбойник – чалдон». Особенно ярко это противопоставление проявляется в рассказах, раскрывающих сюжетную тему «незнакомый пришелец (разбойник/беглый) в доме». Разбойники, как уже говорилось выше, в данной ситуации проявляют себя как алчные грабители, истязатели и убийцы членов семьи. Чалдон же в повествованиях предстает в основном как проситель подаяния, иногда достаточно суровый, но безвредный. Таков образ незнакомца в повествовании Т.З. Балагуровой о событии, которое она наблюдала, будучи ребенком. Вечернее спокойствие нарушает визит незваного гостя. Присутствующих, особенно детей, пугает его диковатый внешний вид: «Глядим: вот так заходит, дверь-то открыл, заходит. Папаха вот так сюды натянута. А глаза каки-то... Он черный-черный да высокой. Бравый мужик! Вот так из-под папахи-то... Ну, они не казались [старались, чтобы их лица не видели. – М.Б.] (текст № 11).

Затем, в ходе разговора беглого с мамой, становится очевидным, что этот человек опасности не представляет. Вежливо поздоровавшись, он просит накормить его. Просьба его немедленно выполняется, и, кроме того, «мама ему еще на дорогу хлеба дала».

Оппозиция «чалдон – разбойник» в обостренном виде представлена в рассказе В.К. Кузнецова. Женщина, обнаружив в доме незнакомца, вначале принимает его за разбойника и обваривает кипятком, но впоследствии, узнав, что он беглый каторжник, выхаживает и излечивает его. Чувство враждебности по отношению к бродяге сменяется сочувствием и доброжелательностью сразу после того, как выясняется, кто он (см. текст № 12).

Факт проявления сочувствия к беглому, зашедшему во двор, описывается в рассказе А.А. Добрыниной (см. текст № 13).

В рассказе-меморате Феклы Ивановны Мосоловой повествуется о встрече ее, тогда небольшой девочки, с беглым на лугу, когда она шла к отцу-пастуху, чтобы отнести ему продукты. Чалдон хотя и предстает перед девочкой «обросший весь, как этот черт», но речь его дает ей возможность убедиться, что этот человек ей вреда не причинит: «Потом говорит: «Ты меня не бойся, девка, я тебя каждый раз вижу, как ты ходишь. Ты, говорит, когда пойдешь, мне кусок хлеба и щепот-

Разрешение на
разделение трапезы

ку табаку вот на этот корень положь». Эта безвредность чалдона, как выясняется из рассказа, проявляется на деле: долгое время он наблюдает за пастухом, отцом рассказчицы, и не наносит ему никакого ущерба, кроме как продукты подворовывает.

Не только описание встречи и повествование о поведении «прохожего» делают рассказ увлекательным. Он интересен также подробностями, через которые раскрывается отношение отца рассказчицы к беглому. Оказывается, отец знал о том, что чалдон постоянно ворует продукты, но при этом у него не возникало намерения «отучить» от этого незнакомца. Поведение пастуха служило тем самым как бы негласным разрешением для чалдона разделять с ним трапезу. Обратим внимание на добродушную интонацию, с которой отец сообщает дочке о действиях своего невидимого гостя: «Папка говорит: «Он у меня каждый день, говорит, таскат хлеб и все». Доброжелательное отношение отца к беглому проявляется также и в том, что он велит дочери сделать всё так, как тот попросил: «Он [отец] говорит: «Возьми хлеб и табаку положь» (текст № 14).

Анекдотические рассказы о случайных встречах крестьян с беглыми

Проделки беглых

Безболезненные, а порой и забавные столкновения с бродягами случались нередко, и это способствовало созданию и закреплению в фольклорной традиции юмористических рассказов о встречах сельчан с «прохожими». Основу фабулы в таких повествованиях составляют какие-либо проделки чалдонов, приводящие в замешательство незадачливых поселян, порождающие какое-то недоразумение в их быту.

Два удивительных рассказа, искрящихся народным юмором, были записаны В.П. Зиновьевым от Федора Абрамовича Балагурова. В первом рассказе мастерски воспроизводится анекдотическая ситуация, когда чалдон моется в бане вместо деда Силантия.

Находчивость, ловкость непрошеного гостя изображаются с помощью динамичности повествования, лаконичным и точным перечислением действий бродяги: «А в этом ерничке чалдон лежал, дожидался. Бабка ушла [приносила белье в баню], он зашел в баню – бельё. Вымылся, переоделся и подался».

Взаимное недоумение старика со старухой передается анекдотическим приемом – через диалог: «Тут дед приехал.

– Давай бельё, пойду помоюсь.

– Да ты чё, два раза ходишь в баню-то, чё ли. Да ты чё? Ты же помылся.

«Разбойник – беглый» как оппозиция

оформились как художественное воплощение диалектики взаимоотношений между двумя «противоположными элементами Сибири» [42].

В рассказах четвертой группы мы можем наблюдать дальнейшее углубление оппозиции «разбойник – чалдон». Особенно ярко это противопоставление проявляется в рассказах, раскрывающих сюжетную тему «незнакомый пришелец (разбойник/беглый) в доме». Разбойники, как уже говорилось выше, в данной ситуации проявляют себя как алчные грабители, истязатели и убийцы членов семьи. Чалдон же в повествованиях предстает в основном как проситель подаяния, иногда достаточно суровый, но безвредный. Таков образ незнакомца в повествовании Т.З. Балагуровой о событии, которое она наблюдала, будучи ребенком. Вечернее спокойствие нарушает визит незваного гостя. Присутствующих, особенно детей, пугает его диковатый внешний вид: «Глядим: вот так заходит, дверь-то открыл, заходит. Папаха вот так сюды натянута. А глаза каки-то... Он черный-черный да высокой. Бравый мужик! Вот так из-под папахи-то... Ну, они не казались [старались, чтобы их лица не видели. – М.Б.] (текст № 11).

Затем, в ходе разговора беглого с мамой, становится очевидным, что этот человек опасности не представляет. Вежливо поздоровавшись, он просит накормить его. Просьба его немедленно выполняется, и, кроме того, «мама ему еще на дорогу хлеба дала».

Оппозиция «чалдон – разбойник» в обостренном виде представлена в рассказе В.К. Кузнецова. Женщина, обнаружив в доме незнакомца, вначале принимает его за разбойника и обваривает кипятком, но впоследствии, узнав, что он беглый каторжник, выхаживает и излечивает его. Чувство враждебности по отношению к бродяге сменяется сочувствием и доброжелательностью сразу после того, как выясняется, кто он (см. текст № 12).

Факт проявления сочувствия к беглому, зашедшему во двор, описывается в рассказе А.А. Добрыниной (см. текст № 13).

В рассказе-меморате Феклы Ивановны Мосоловой повествуется о встрече ее, тогда небольшой девочки, с беглым на лугу, когда она шла к отцу-пастуху, чтобы отнести ему продукты. Чалдон хотя и предстает перед девочкой «обросший весь, как этот черт», но речь его дает ей возможность убедиться, что этот человек ей вреда не причинит: «Потом говорит: «Ты меня не бойся, девка, я тебя каждый раз вижу, как ты ходишь. Ты, говорит, когда пойдешь, мне кусок хлеба и щепот-

Разрешение на
разделение трапезы

ку табаку вот на этот корень положь». Эта безвредность чалдона, как выясняется из рассказа, проявляется на деле: долгое время он наблюдает за пастухом, отцом рассказчицы, и не наносит ему никакого ущерба, кроме как продукты подворовывает.

Не только описание встречи и повествование о поведении «прохожего» делают рассказ увлекательным. Он интересен также подробностями, через которые раскрывается отношение отца рассказчицы к беглому. Оказывается, отец знал о том, что чалдон постоянно ворует продукты, но при этом у него не возникало намерения «отучить» от этого незнакомца. Поведение пастуха служило тем самым как бы негласным разрешением для чалдона разделять с ним трапезу. Обратим внимание на добродушную интонацию, с которой отец сообщает дочке о действиях своего невидимого гостя: «Папка говорит: «Он у меня каждый день, говорит, таскат хлеб и все». Доброжелательное отношение отца к беглому проявляется также и в том, что он велит дочери сделать всё так, как тот попросил: «Он [отец] говорит: «Возьми хлеб и табаку положь» (текст № 14).

Анекдотические рассказы о случайных встречах крестьян с беглыми

Проделки беглых

Безболезненные, а порой и забавные столкновения с бродягами случались нередко, и это способствовало созданию и закреплению в фольклорной традиции юмористических рассказов о встречах сельчан с «прохожими». Основу фабулы в таких повествованиях составляют какие-либо проделки чалдонов, приводящие в замешательство незадачливых поселян, порождающие какое-то недоразумение в их быту.

Два удивительных рассказа, искрящихся народным юмором, были записаны В.П. Зиновьевым от Федора Абрамовича Балагурова. В первом рассказе мастерски воспроизводится анекдотическая ситуация, когда чалдон моется в бане вместо деда Силантия.

Находчивость, ловкость непрошеного гостя изображаются с помощью динамичности повествования, лаконичным и точным перечислением действий бродяги: «А в этом ерничке чалдон лежал, дожидался. Бабка ушла [приносила белье в баню], он зашел в баню – бельё. Вымылся, переоделся и подался».

Взаимное недоумение старика со старухой передается анекдотическим приемом – через диалог: «Тут дед приехал.

– Давай бельё, пойду помоюсь.

– Да ты чё, два раза ходишь в баню-то, чё ли. Да ты чё? Ты же помылся.

– Какой помылся...

А тут вон чё оказалось» [43].

Второй рассказ – о том, как чалдоны в балагане ночуют*. По форме он также приближается к анекдоту: «Двое чалдонов нашли балаган** и ночуют в нем. А это был балаган Петрована. Это наш родич тоже. Он, значит, недавно женился и уезжал-то на свадьбу. Вот возвращается в поле, едет, радый. Поет:

«Эх, балаган, балаган, балаган,

Ты и не знашь, что женился Петрован...»

А те из балагана выходят:

– Здорово, Петрован. С законным браком тебя.

– Здоровайте... А вы откуда знаете, что я женился?

– Да земля слухом пользуется. Чё, у тебя харчишки-то есть?

– Есть, а как же...» [46].

Рассказ состоит из двух частей: экспозиции и диалога, через который и передается анекдотическая ситуация. В этом диалоге всё: и изменение психологического состояния Петрована – от безмятежной радости – к недоумению; и безобидное лукавство чалдонов, скрывающее их незавидное положение; шутливый вопрос: «Чё, у тебя харчишки-то есть?», избавляющий их от унижительной просьбы; и, наконец, позиция рассказчика, его отношение с равной симпатией и юмором и к простодушному Петровану, и к находчивым («Голь на выдумки хитра») чалдонам.

5. Рассказы об оказании регулярной помощи беглым

Наряду с повествованиями, в которых говорится о случайной, эпизодической помощи каторжанам, существует группа рассказов и преданий о людях, оказывающих помощь беглым сознательно и постоянно. Если в рассказах четвертой группы преобладают отдельные эпизоды, в которых представлен «разовый» факт

* В этих рассказах отражены ситуации, характерные для быта бродяг. Как отмечает Н.М. Ядринцев, балаганы и бани чаще всего становились их временным пристанищем: «Так валят бродяги: отдыхают по балаганам, лачугам, а чаще всего в деревенских банях. Иногда, особенно зимой, подвезжая к деревне ночью, можно видеть, что все бани дымятся: это расположились бродяги на ночлег. Крестьяне охотно дают приют этим странникам и смотрят на них снисходительно, пока они безвредны» [44]. «...Крестьяне стараются не ходить туда [в бани] без надобности, чтобы не переполошить приютившихся там ссыльных, а многие даже выставляют на ночь в банях кое-какую еду – молоко, хлеб и т.п.» [45].

** Балаган – конический шалаш из жердей, покрытый скошенной травой.

Готовность всегда
помогать беглым

общения и помощи, то в рассказах пятой группы, особенно в преданиях, часто дается обобщенное описание – характеристика действий, повторяемых многократно.

Показательно в этом отношении предание, повданное дедом В.К. Кузнецову. Оно сохранило память о кузнеце, у которого искали спасения беглые каторжане: «Его знали уж, этого кузнеца. Не первый, не второй случай был. Он им помогал, снимал эти кандалы, расковывал... Ну, он [беглый] поживет у него, отъестся. И отпускал его... Не отпускал, а говорил: «Иди домой или куда – твоё дело...» [47].

Не менее, чем кузнец, был известен каторжанам, наверное, и дедушка Кристины Константиновны Дружининой (рассказчица 1898 г.р.), готовый всегда приютить беглых: «А у меня там дедушка был, дедушка мой. Он их увидит: «Заходите, в бане вымоетесь, накормлю, поночуете!» Вот накормит, напоит их, в баню отправит спать. <...> Уж он их дня три-четыре: баню бабы, невестки топят, моют их, кормят».

Словно символ постоянной готовности дать приют всем нуждающимся – чан: «<...> а у него всё чан кипел, страшный-страшный, всё чан в ограде кипел с мясом для них».

Чалдоны (а также иного рода «приезжие», путники) дедушку почитали, словно отца родного: «Как только зайдут приезжие, там шалупа называлась, он их: «Заходите, заходите, куды пошли». А они станут на колени: «Отец родной! Прости!» – «Заходите, напою, накормлю!» [48].

Принимал беглых каторжан и отец Марфы Андреевны Рычковой, но он спасал, в основном, политических, поскольку и сам был «связан с политикой»: «Как-то пять человек политических сбежали. У нас, у отца спасались. Но она гра-а-мотны, про политику всё разговаривали. Отец их переправлял, дорогу имя покажет, куда идти. Одежу-то имя менял. У них на горбушке чёрны пятна были, что заключенны, мол. Он им зашьет, переделает. Он же портной был. Он всё-всё знал. Говорит:

– А Николашку все равно уберут. За нас, политических, ему отпоется!» [49].

Нравственный смысл взаимоотношений селян и каторжан раскрывается в рассказе Татьяны Ивановны Уфимцевой. В повествовании друг друга сменяют три темы: 1 – арестанты, закованные в кандалы, идут по деревне; 2 – отец рассказчицы укрывает на мельнице беглого; 3 – «в сенях в окошки ставят крынку молока и кусок хлеба» (см. текст № 15).

Сочувствие
каторжанам

Мотив сочувствия каторжанам пронизывает весь рассказ. Образы их приближаются к образам великомучеников: «<...> звон кругом... Вот мученики были, кровь течет везде», и в конце рассказа: «От мученики, в кровь сотрут всё, лучше не жить». При виде каторжан крестьяне не могли оставаться равнодушными, они испытывали потребность помочь, облегчить участь подвергнутых страданию: «Идут они по деревне. Звон кругом. Им вытаскивают. Кормят. Мать моя, только услышит: «Ну-ка, девка, смотри-ка, забрякало». И я бегу, несу им. Успевали толкать им». По сути дела, в рассказе выражено надлежащее отношение людей, наделенных доброй судьбой, к людям обездоленным. Для первых, согласно народному представлению, должно быть естественным помочь несчастному, поддержать его.

В соответствии с общим характером отношений селян и каторжан складываются взаимоотношения между отцом рассказчицы и «прохожим», внезапно появившимся в темноте возле мельницы. По праву человека, попавшего в беду, незнакомец обращается к отцу: «Отец мой, не выдай меня, принеси мне поесть». Повинуясь нравственному чувству, отец выполняет эту просьбу.

«Схоронился человек до утра на мельнице». Инверсия, а также интонация этой фразы передают значимость происходящего. «Потом отцу подарил книгу политическую». Подарок беглого политкаторжанина отцу свидетельствует о содержательности общения между ними. «Человек» не ошибся, называя его «отец мой».

***

Наблюдение над смысловым содержанием нарративов цикла «Сельская община и ссылка», записанных в 1970–1980-е гг., показало, что в большинстве из них раскрывается гуманное отношение к отверженным. О проявлении антагонизма между крестьянами и ссыльными, об их взаимной неприязни и нетерпимости упоминается лишь в нескольких повествованиях. Этот факт заслуживает особого внимания, если учесть, что в дореволюционных исследованиях отмечается крайняя противоречивость взаимоотношений этих двух социальных сил.

Согласно царским указам о системе ссылки крестьяне облагались рядом повинностей по отношению к ссыльным: с одной стороны, они должны были заботиться о больных и престарелых ссыльнопоселенцах, а с другой – выполняли обязанности полицейского характера (наряжали облавы для поимки беглых и т.д.).

Достижение мирного
сосуществования

Естественно, реакция ссыльных на те и другие действия крестьян не могла быть однозначной.

Кроме того, сибирское крестьянство оказалось наделенным таким тяжелым бременем, как бродяжество, сила, находившаяся вне закона и практически им не управляемая. «Немало искусства и такта в деле ограждения себя от опасностей ссылки выказывало сибирское крестьянское сословие», в результате чего и возникло, в частности, «обычное право прохода» беглых через деревни. Так достигалось относительно мирное сосуществование *крестьянства* и *бродячества*, которое, однако, неминуемо нарушалось, если беглые совершали злостные преступления (жгли постройки, обворовывали погреба и амбары, похищали крестьянских женщин и т.п.). В ответ на это крестьяне, в свою очередь, проявляли порой чрезвычайную жестокость в отношении бродяг.

Переход от мира
к вражде

Вот как этот мгновенный переход от мира к вражде описывает Н.М. Ядринцев: «<...> хотя сибирский крестьянин относится с терпимостью к бродяге, однако же состоит с ним в двусмысленных и даже враждебных отношениях; пропуская и принимая бродягу, когда он идет скромно и приниженно, питаясь милостыней, – сибиряк-крестьянин делается совершенно другим при малейшем нарушении бродягами его интересов. Часто малейшее преступление бродяги, самое ничтожное воровство и плутовство, делают крестьянина жестоким и беспощадным в каре» [50].

Над бродягами, совершившими преступление, сибирское крестьянство создало самосуд. Виновного крестьяне жестоко избивали до полусмерти или даже расстреливали. Сформировавшаяся таким образом «привычка расправляться с бродягами смертью последних создала в Сибири систему безразборного истребления бродяг» [51].

В бродяжеской поэзии, по словам Н.М. Ядринцева, оформился образ антагониста – крестьянина, промышлявшего убийством бродяг. Знаком достижения особой виртуозности в столь «бесчеловечном промысле» стал «часто фигурирующий в бродяжеских рассказах» *мотив убийства одной пулей многих*: «<...> из-за кустов показался Заворота [крестьянин] верхом на лошади и с винтовкой. – «Эй, варнаки, стой! Становитесь все под одну пулю!» – крикнул он и положил винтовку между ушей лошади» [52]. Фрагмент другого рассказа: «Раз к нему [крестьянину] пришло несколько бродяг, иные были с деньгами. Он приютил их и, когда они ушли, отправился за ними в погоню. В лесу он нашел их всех спящими один подле другого, в од-

ной линии. Выстрелив вдоль, он убил шесть человек, а седьмой побежал» [53].

Охота за бродягами

Как отражение имевшей место в Сибири «охоты за бродягами» появился, по мнению Н.М. Ядринцева, «и анекдот о том, что крестьянский мальчик просит отца убить бродягу из винтовки, чтобы посмотреть, «как горбун будет на горбе вертеться» [54].

Об этом же свидетельствуют очень распространенные и весьма недвусмысленные пословицы: «Белка стоит пять копеек, а с горбуна* все на полтину возьмишь» [55]; «Горбач всё же дороже белки стоит» [56].

В обиходе беглый мог уподобляться промысловому зверю: «как говорят, крестьяне и инородцы, если им подвернется такой «дорогой зверь», не жалеют на него заряда» [57].

Согласно утверждению начальника Главного тюремного управления А.П. Саломона, командированного в Сибирь и на о.Сахалин незадолго до 1900 г., существование «охоты на ссыльного» «в сравнительно недавнее время, – факт несомненный» [58].

Чем объяснить очевидное несоответствие смыслового содержания нарративов наблюдениям и фактам, приводимым дореволюционными исследователями?

Для объективного заключения необходимо, на наш взгляд, дополнительный сбор фольклорного материала на эту тему в разных регионах Восточной Сибири, а в настоящее время можно сделать лишь некоторые предположения.

1. Возможно, упоминаемые в дореволюционной литературе проявления бессердечного отношения к бродягам имели место преимущественно в других регионах, а не в Восточном Забайкалье, где мы никогда не слышали слов «варнак» или «горбач» в качестве прозвища беглых ссыльных.

2. Жестокость крестьян вызывалась, как правило, преступлениями бродяжества**, а они, возможно, уже не были столь злостными в то время, когда формировалась фабула большинства анализируемых нами рассказов (90-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.)***. Начало XX в. ознаменовалось отменой общеуголовной ссылки в Си-

* Горбун, горбач – одно из названий беглого, бродячего ссыльного.

** Словом «бродяжество» в данном случае обозначены беглые как социальная группа. Ср.: «крестьянство».

*** Значительная часть рассказов – это мемуары – воспоминания рассказчиков о том, что они сами наблюдали, когда были детьми, и фабулаты – повествования о событиях, пережитых их родителями.

бирь (закон от 12 июня 1900 г.) [59], и в дальнейшем сохранялась, главным образом, ссылка политическая. Беглые политкаторжане, по всей вероятности, не способны были на злодеяния, и гуманное отношение к ним вполне допустимо.

3. И, пожалуй, более убедительным будет объяснение *законами поэтики жанра устного рассказа*.

Поскольку повествования данной тематики сформировались в основном до революции, в процессе своего бытования они не могли не подвергнуться трансформации. В настоящее время в них, очевидно, присутствует значительная доля идеализации, демонстрирующей должное отношение человека, наделенного доброй судьбой, к отверженному.

Потребность помочь
нуждающимся как
нравственная
ценность

Потребность помочь нуждающемуся как нравственная ценность объективно формировалась в условиях функционирования территориальной соседской общины всей системой жизни сельского коллектива и закреплялась в качестве социальной нормы различными формами взаимопомощи, «помочей», а также обычаем содержать «всем миром» сирот, обездоленных и престарелых. Готовность оказать бескорыстную помощь нуждающемуся определяла и характер взаимоотношений крестьян с людьми, не относящимися к сельскому коллективу, в частности, с беглыми ссылными.

В большинстве своем рассказы являют образ идеального воплощения нравственного потенциала сельской общины. Благодаря духовному здоровью, гарантией которого была «удивительная способность» общины «к самозащите^{*} и любовь к честному и тяжелому труду» [60], сибирское крестьянство оказалось способным «пережить» такое социально неоднозначное явление, как ссылка, и нейтрализовать его негативное воздействие на жизнь общества.

* Н.М. Ядринцев имеет в виду способность сибирской крестьянской общины противостоять разного рода «разрушительным влияниям», и прежде всего – материальному и моральному вреду ссылки. В силу своих духовных возможностей община «приняла миссию дисциплинирования бродяжеского контингента на себя» и этим, во многом, обеспечила себе самосохранение.

ТЕКСТЫ из цикла
«Сельская община и беглые ссыльные»

№ 1. Предание «Падь Ревунья»

Ревунья падушка та... В Ревунье там этот помер. В кандалах шел... Его потом нашли... Тут он... Руки и ноги были в кандалах... Он там ревел, потому и Ревунья... [61].

№ 2. Рассказ «Беглые каринские узники»

...А было-то как*. Значит, утром я прихожу-ка, корову подоила. Рано утром корову подоила, захожу в избу с молочком, а сидит незнакомай человек, и испитой-испитой**, такой уж это на лицо худой он и невысокого роста. Но и я так угрогла: чё же – дети спят, бабушка спит у меня. А я спросила его, говорю: «Вы откуда? Куда следуете-то?» Он мне рассказал, что я с Кары, мы, дескать, нас уволили, мы были заключёны, а щас пошли и заблудилися, продуктов нету. И у меня двое, дескать, бессильные, лежат ишо тут вот где-то, в кустиках, – показал мне.

«Я его покормила...» Ну, я его покормила, тут было чё, он просит ишо тем покушать. Я говорю: «У меня нечего больше дать, дети малы же, дети станут, – их кормить». Ничё у меня не было. А он это... Я говорю: «Иди в контору, там обскажешь, и тебе помогут: хлебца дадут, лошадь дадут и привезут этих ребят, куда вам надо, вас доведут».

А у него же ни документов, ничё, – оне же сбежали. Он пошёл, совсем пошёл не в контору, совсем пошёл – вот опеть по домам. А я потом поглядела за ём вслед-то, куда он пошёл, – не в контору же человек-то идёт! Я чё-то тоже это... Сразу потом из дому пошла в контору, сказала, что вот такой-то человек блудит, и ишо у его двое тут. А скрали бы чё ночью да это... тоже вот – напакостят.

«Потом его
перехватили...»

А ети... Сразу потом его перехватили, этого мужчину, и привели в контору его. Привели в контору, он день-то и был тут у нас. А его спрашивают, он говорит: «Не знаю ничё, я один» (в конторе-то). Ну, а потом засаду сделали, а оне двое идут, да таки здоровые мужчины, молодые! Он, этот, слабый был, он вот пошёл, по их же ему надо. Но и потом, когда они их привели в контору-то, его это: дескать, эти вот – твои друзья-то? А он отпёрся. «Нет», – говорит. Ну, а их потом. Оне тут, наши-то арестовали, да и... Виктор Егорович же

* Случай этот произошел со свекровью рассказчицы. Рассказ свекрови передан от первого лица.

** Испитой – худой, изможденный.

возил их до Сретенска-то. Увел их, но ему ружьё дали, коня. Он их увёл, а в Сретенским – там их опеть на пароход да и опеть в Усть-Кару. Они сбежали [62].

№ 3. Рассказ «Беглый ломится в дом»

Опеть ето... Тоже пришли двое, а мы, говорит, дома были одне. А сени были, заложки таки деревянные были, старинны всё. Она говорит: «Он пришёл», – и оставили.

...Раньше-то вот ложатся, вечером от уходят в амбар ли куды, залаживаются... А на улице полочку делали, на полочку ставили молока крынку и хлеба – вот краюшку или там буханку ли ложили, хлеб же свой стряпали. И вот утром станешь – нету, молочко выпьют и это, и который добрый, говорит, выпьет, – крынку поставит, а который выпьет – да крынку тут же сломат: возьмёт да ударит, а она, говорит, разобьётся.

«Кормить ставили их...»

...Всяки были, аха... А вот кормить ставили их, специально это, им специально. Ставили, чтоб не ломился, не лез, а наелся, им больше ить – только поисть надо, поисть – и убегали. Уходили, через это село все шли, оттудова.

...И вот, говорит, ломится, лезет рукой-то, заложку-то обложить надо, а мамы-то, говорит, не было, а мы-то большие уж были. (Две сестры они были.) А мы, говорит, его колотим, ну, тоже палкой по рукам-то, но он-то, говорит, это – не мог попасть-то к нам. Отбиваем его руку-то, бьём, больно, а он вытаскиват. А дедушка тут, в соседях-то. А раньше винтовки-то были – кремлёвские, ремнёвые. Он эту кремлёвку схватил, да за ём.

А оне двое оказались, один выскочил, да за речку, за реку. И вот как Сретенск-то – по дороге направились. Тоже убежали.

Это-то моя свекровка рассказывала вот эти два случая. Все с Усть-Кары [63].

№ 4. Рассказ «Чалдонов поймали»

До войны дело было. Ссылали много сюда заключённых. Жители делали в воротах отверстие и на ночь клали еду. Это для заключённых. Они часто убегали.

«Пробрался один ссыльный в дом...»

Но вот случай один был такой. Пробрался один ссыльный в дом и незаметно спрятался под кровать. А в доме осталась только одна девчонка. Родители уехали куда-то. Боялась она одна-то дома быть. Вот и позвала подружку свою ночевать. А работы в деревне много. Полезла девчонка в подполье, чтобы молоко поставить, а то ведь скиснет до утра. И када она спустилась, посмотрела почему-то вверх. Взгляд, видимо, почувствовала. Видит под кроватью руку такую боль-

«Связали мужика
этого»

шую, волосатую, грязную. Но девчонка смелая была, виду никакого не подала, будто бы и ничего и не заметила. Вылезла из подполья и так весело говорит своей подружке: «Вот сейчас хлеб с тобой замесим и спать лягем. Спать будем на печке. Ты посиди пока, а я пойду в кладовку муки принесу». Побежала она будто бы за мукой, а сама – к соседям. Пришли, связали мужика этого. Он девчонке и говорит: «Ну и хитрющая же ты! Ведь я так за тобой следил, с глаз не спускал, а ты и виду не подала. Всё равно это тебе так не пройдёт».

Ну, мужика этого в кандалы одели и опять на картогу отправили. Что бы он мог сделать-то, хоть и грозился? Убежать, поди, больше не пришлось. Вот такие дела! [64].

№ 5. Рассказ «Девка с чалдонами разделалась»

Мама мне рассказывала. Чалдоны* были. День-то они в лесу, а поись-то чё – ись тоже надо – вот они и ходили ночью.

У моей матери тетка была. У ней волосы длинные такие были. Она повела девок в лес по ягоду, по голубицу, по земляницу ли. Тепериче, приходит чалдон и берёт одну девочку за косу. Повёл. А у тётки-то тоже волосы больши, она и говорит:

– А что, он ить уведёт! Давайте, девки, сучья возьмём и будемте его бить! Не бегайте ни одна.

«И забили до
смерти, этого
мужика»

И вот сучья набрали и выбежали за ём, давай его хлестать – и забили до смерти, этого мужика. Всё это собрали и пошли. Идут, а там ишо два чалдона на дороге сидят. Один чай варит, а другой сидит починиватся. Девкам никак не пройти. Она:

– Но ладно, девки, вы идите лесом, а я разболочуся донага.

Разболочлася донага, да волосы-то вот так – махала, махала – разлохматила. Да на карачки встала:

– Ха-ха-ха-ха-ха! – чёртом представилась – да к им навстречу. Те испугались и убежали.

Вот девки все пришли домой, рассказали, и вот с оружием поехали. И поехали. И всех их забрали [65].

№ 6. Рассказ «Работник – бывший разбойник»

Бабушка рассказывала. У их в работниках жил один дяденька. А он нездешний, откуль-то издалека.

* Рассказчица поясняет: «Чалдоны – это кого в острог посадят, в тюрьму – они сбегали – вот это и чалдоны. У их отметка была, у чалдонов. Их знали. Волосы все острижены, и на левом виске у их вот такой хохолок волосьев оставался. Если такой в деревню зайдёт, его уж знали, что он «чалдон».

Сосланный был в Сибирь. А сослали за то, что в шайке работал. Их было шесть человек, а седьмой – *атаман*. Вот так же одни с сеном приехали. Дом большой у них был. Коней выпрягли, на стойку ставят. А сени залаживались так: за верёвку дернешь – и откроется. А коней ещё поить надо – и не закрылись по-настоящему. Ну вот эта шайка ввалилась к имя.

А у них семья большая, сидели ужинали, всего двадцать пять человек было – сыновья, ребятишки – все в одном доме жили. А дом большой – несколько половин. Ну, они что ж – напугались. А на тех всё блестит: клинки, оружие, – вооруженные были они. Они подскочили к столу, а атаман вскричал: «Хлеб-соль!» Ну, старик со старухой встали, как по углам сидели, так сразу и поднялись. Ну, они их пытали, брови все спичками жгли, деньги требовали. А сыновья даже не пошевелились. Ну ничего не сказали имя. Мужественные люди были, а может, ничего у них и не было. А на стол беременна женщина подавала, ставила имя.

«Они всех их перебили»

Ну, они всех их перебили: стариков, сыновей, их жен, всех. Маленький ребенок, месяцев девяти, в зыбке лежал. Которого сослали, занес клинок над им, а тот схватил его (ково ж – ребёнок-то большой – всё понимает), ну, тот и опустил клинок. А атаман подскочил и шашкой – зыбку пополам и ребенка пополам. Начали искать у них и нашли-то всего двадцать пять рублей, всё перевернули.

А дом-то в стороне, на отшибе был. Сели они и уехали, тройка у них была. А беременную-то женщину не до смерти убили, она выползла на крыльцо и закричала: «Караул!» Она-то представилась как мертвая и виду не подала имя. Она их всех знала в лицо и до этого слышала. Когда народ собрался, она имя всё рассказала. Ну, рассказала имя и умерла.

«Всех их переловили»

Так всех их переловили, а его-то (работника) сюда отправили в ссылку, и он это и рассказал, и сам в работниках так и жил [66].

№ 7. Рассказ «Разбойники в доме»

Уехал муж в командировку, а жена-то его беременная ходила. Ну и пригласила она сестрину девчонку и ее подружку с ней посидеть. И дверь-то была открыта, мужик какой-то в избу зашёл и за печку спрятался. Подружка-то его увидела и убежала, и ничё не сказала.

Вечер настал, женщина с девчонкой легли спать. Встаёт этот мужик, к женщине подходит и говорит: «Вставай, вари щи». Она встала, а он лёг на кровать и заснул. Она чугуном с водой схватила да и обварила его.

«Она ему топором и отрубила...»

Слышит, кто-то к дому подъехал. А их там еще двое было из этой шайки, и мужнин брат там был. Он знал, что в доме одна женщина осталась, а добра-то у них много было.

Брат мужнин руку-то только в окошко просунул, она ему топором и отрубила. А второй голову просунул, она и голову. А сама она с испугу и родила.

Женщины утром коров погнали, смотрят: всё закрыто, никто из дому не выходит. Вызвали они милицию. Девочка у её нормальная родилась.

А брат-то мужнин в деревню через десять лет вернулся с отрубленной рукой. Муж-то его и пристрелил [67].

№ 8. Рассказ (страшная быль)

«Женщина разбойника обварила»

У нас на западе это было. Мы в голодовку туда, в Ливнево, ездили. Вот одна женщина и рассказывала. У нее муж работал стражником. Это как теперь милиция.

Вот подходит праздник, Рождество. А он ей сообщает:

– Приезжай, я деньги получу, забери.

У них было две девочки, одной пять лет, другой три. Она соседку попросила посидеть с ими, сама поехала к мужу. Приехала, ночевала. Он утром пошел деньги получать, а она поставила самовар, вскипятила и села чай пить. Сидит она, чай пьет, заходит странник. На костылях, ноги на весу. Входе, поздравкавалси.

Она:

– Садись, дедушка, чай со мной пить.

Он прошёл, сел, пьет чай.

Приходе муж. Она уже страннику рассказала, что приехала к мужу за деньгами. Вот муж приходе, поздравкавалси. Тот:

– Вот ваша хозяйка пригласила меня чай пить.

Он гыт:

– Но что ж, пейте, пейте.

Но и он попил чаю. А сам подслушал уже, как муж жену по имени называет, из какой деревни – она ему сама рассказала. Вот.

Но, попил чаю, поблагодарил, опять на костыли на эти и пошёл. Ну, ушёл и ладно.

Она деньги у мужа взяла, коня запрягла и поехала. Выехала из деревни. А он пошёл по дороге. Она его догоняет. Ему итить-то неловко. Она ему:

– Дедушка, садись, тебе итить-то неловко.

– Да я, матушка, с того сюды и пошёл, чтобы с вами доехать. А там я побоялся вашему мужу сказать, с места-то.

«Я шёл у тебе
деньги отнять»

Но, она его посадила. А у него за спиной саквояж был, вот как подушка. Сахьяный. Он костыли положил в повозку, этот саквояж отстегнул и говорит:

– Давай вожжи.

– Нет, дедушка, я сама.

А он и говорит:

– Я не затем суды шёл, я шёл у тебе деньги отнять.

Ой, она так, она саяк. Он берёт за душу:

– Давай деньги!

Ну тогда она видит – дурна шутка! Куда от него денесси-то. Она достала ему деньги отдавать. Коня приостановила. Ветерок был. А потом, можи, она нарощно пустила какой руб из рук, два ли, – на снег упали бумажки-то эти. А он вожжи держит, сам из повозки нагнулся взять. Она как вожжи дёрнула, его – под жопу! Как вожжи дёрнула – и убежать! Остались его костыли и саквояж этот. Она оглянулась – как он на ногах-то бежить, ой-ё-ёй! А ить ноги-ть на весу!

Но как ни бежи, коня-то не догонишь. Она приехала домой в деревню свою, ворота заглушила, а у колидоре-т двери не догадалась заглушить-то, начала скотине корму давать, солому сгребла, в колидор носить, клади... Для топлива, завтра топить.

А он пришёл в деревню-т и спрашивает:

– Где такая-то, такая-то женщина живе? – он знает, как звать, где муж работае. Ему сказали. Он туды прошёл. Она на дворе там работае. Он перескочил, в колидор прошёл и под солому лёг.

Она принесла беремечко соломы, положила, принесла ещё беремечко, – положила. Ну, управилась. Двери позакрыла колидоре, зашла, а двери крючок – никогда и понятия не було. Зашла и села, какой-то девчонке платишко зашивала. Вот, гыт, сижу, мене прямо як вода поджимае, бяду каку-т поджидаю – и всё! Девочки эти поснули. А он лежал под соломой, продолжал время, чтобы люди маленько уловились. А потом, може часов таки в 11 или 12 он заходя. Заходя и говорить:

– Так ты что же думала, от меня спасиссе? Вот твоя и смерть!

И прямо ножик в стол поставил. Если бы он её сразу зарезал, то бы зарезал, а он её заставил кипяток кипятить, де будет издеваться над нею.

– Кипяти, – говорит, – кипяток!

Она:

– Да у меня топлива нету.

– Топлива, – говорит, – много. Я под соломой лежал, ты много наносила.

Принёс сам соломы в избу, заставил кипятить кипяток. Она поставила воду, чугуночку на трёх ножках. А кухня перегорожена, а он ходит, нож стоит в столе, а он расхаживается взадь вперёд. Кипяток закипел белым ключом, она приготовила тряпку, приготовила кружку. А потом чугунок-то выставила, кружку-т зачерпла да и говорит так себе:

«И вылила на него
чугун»

– То ли он кипит, то ли нет? Ничё не видать.

А он как ходил, к дверочке-т повернул, она как да-ла ему в глаза этого кипятка кружку – он упал. Она схватила чугун и вылила на него чугун. И сама упала... Показывала, у ней тоже тело-т обварено. Но, упала и лежит без сознания.

А тут развиднялоси, люди-то встали, соседи-то, повышли. Все печи позатопили, а у ей не топится. Попробовали – и двери не открываются.

– Это чё такое? Она всегда рано встает, а тут нету. Уж не беда ли какая? Какой-т старик тут вчера ходил, спрашивал.

Подошли под окно, оно замерзло. Они продули (у нас там никогда двое рам не становили, всё одни). Продули, посмотрели: на полу лежат какие-т люди, непонятно. Сняли дверь. Зашли. Старик там лежит этот сварённый, она рядом лежит. Ну, сразу мужу сообщили: такое, такое дело. Муж в «Скорой помощи» сюда приехал. Но она-то живая. Врачи-то сразу отводились с нею, а он совсем сварён! Ну шутка – в глаза кипятком!

Но, она и очунилась, зачала рассказывать. И вот этот саквояж, какой за спиной носил – 14 тысяч денег! В етом саквояже.

Ето правильно. Он ходит, собирает на божий храм, на божье строенье. А он ходит, людей режет, а ни на какой там храм! [68].

№ 9. Предание «О братьях Корякиных»

Были семь братьев Корякиных. Считались самыми страшными. Ходили мелкими ячейками-артельками. Золотодобыча была. Они разбоем занимались. Сложилась поговорка: «Пройти семь братьев Корякиных – пройти семь грехов». Считалось, что кто уйдёт живым от них, – самый счастливый человек.

Они подкарауливали человека, идущего с золотодобычи. Есть там четыре луга. До первого речка есть Горбичанка, узкое место, скала, омут. Когда человек обходит скалу, то за ней уже спрятаны эти братья. Они или убивают его сразу, или доводят до своего дома, там этого человека хорошо встретят: и баню ему, и накормят, и в постель чистую уложат, а наутро убивали, за-

бирали золото. А простых людей, без золота, они не трогали [69].

№ 10. Предание «Про Ланцова»

Ланцов до революции сбежал с тюрьмы, жил в сопках в Шивие. <...> Он пещёру сделал себе из камней. Жил зимой и летом там, пока не отемнел... Теперь <...> он ходил сюда, до Шелопугина, пешком, ночевал где попало, в Усть-Дое. Он скончался где, никто не знает.

Пещёра его живая, целая. Про него песня была «Ланцов из замка убежал».

За ним шли со Сретенской тюрьмы. Он убежал-то, когда их вели со Сретенской тюрьмы до Кадан-тюрьмы. Кадан-тюрьма эта – двухэтажная. Когда их вели в эту тюрьму, люди говорят, что за пять километров было слышно звон цепей... А в этой тюрьме люди тифом болели, кто вернулся, кто и нет... [70].

№ 11. Рассказ «О чалдонах.

Мать накормила беглого»

«Боялись этих чалдонов»

...А боялись вот этих чалдонов.

Вот эти бедные... Ну, это, наверно, в 15-м, в 16-м, в 17-м... В 18-м – тут уж война пошла, началась. Дак вот, у нас мама-то... Мы на са-амо краю жили. И вот она постоянно... Раньше же хлеб свой пекли, ковриги вот таки больши или булки ли. Она вот крынку простокиши или молока и хлеба вот эту краюху положит, всю ли булку положит. Они чё же, бедненьки, голодны. Он зайдет да наестся. А мы уж залаживамся да спим. Наестся, утром встанешь – криночка проста, хлеба нету. Вот так. Почти кажный вечер ставила. Они же ча-асто ходили. Видно, как сбегут, из тюрьмы или откуль ли уж они...

Вот один раз сидим, уж мы наужинались, мама прядёт сидит, тяти не было. Ой, теперь вспомню, дак... И чё? У нас крючок хороший был – мы дверь-то чё-то не закрючили (мы ишо маленьки были, ну мне уж лет-то тринадцать бы-ыло, наверно... Прасковья в девках была и Арина, в Ушукане-то котора, тоже ишо в девках была), все около мамы тут толкёмся. Она пельсеньница была, песни поём, тоже сказки рассказыват. Ей-ё-ё-ёхоньки! Глядим: вот так заходит, дверь-то открыл, заходит. Папаха вот так сюды натянута. А глаза каки-то... Мне – от теперь... [страшно]. Он черный-черный да высокой. Бравый мужик! Вот так из-под папахи-то... Ну, они не казались... [Не показывали лицо людям.] У нас был курятник большой, зайдешь, куриц много было, зайдешь – тут курятник. Он

зашёл, поздоровался. А мы чё же? Все – за маму да за печку: напугались же.

– Здравствуйте, хозяйюшка.

– Здравствуйте.

– Может, – говорит, – чем-нибудь покормите меня? (Ой, у меня дак шкуру обдират...) А у мамы всегда-а оставалось от ужина.

– Ой, батюшка ты мой, – она сама-то напугалась, – батюшка ты мой, я пошто же? Накормлю.

Вот на курятник-от ему поставила там уж... Раньше же щами звали... Щи, да там ишо, поди, чё-нибудь. Кисло молоко, этот творог – не выводилось у нас.

Вот он наелся, поблагодарил и ушёл. А кто он был? Мама ему ещё на дорогу хлеба дала.

Вот ить, как жили. А кто он был?.. [71].

№ 12. Рассказ «Беглый в доме»

Вот один [каторжник. – *Собир.*] убежал. Это было в Тайне. У него такие небольшие кандалы были. И он попал в подпол, в подполье. Ну, он днём залез, утром... Когда все мужчины ушли на работу, он вылез оттуда, ну, а женщина была дома, она напугалась. Чайник с кипячёной водой она вылила ему на голову... Ну, а потом узнала, как, чё, что он – каторжанин, убежал. Чалдоны их называли. Ну и вот. Она его вылечила. Напоили, накормили, одели, отправили в постель.

«Не выдавали никому ничё»

И не выдавали никому ничё, никто это не знал. Только уж потом разговоры, когда наша власть-то началась, советская... [72].

№ 13. Рассказ «Бродяга во двор зашел»

Ходили разные люди. Подойдут к дому и просят исть. Батюшка перекрестится и бросит имя хлебушка в окошко. А в дом их не пускали – мало ли чё, всяки люди есть.

«Поел и ушёл»

А однажды уехали наши мужики на покос, мы с мамой в огороде были. Пришёл старик ли, чё ли, ободраный весь, и сел возле поленницы. А мама и говорит: «Девки, яво покормить надо, а то будь ночью стучаться». Наладила в кастрюле чаю, молока, съестного разного вынесла яму. Ишо батину стару обувку нашла, вынесла, а то у него, у старика-то у этого, все ноги в кровь избиты были. Тряпки вынесла, ноги обмотать. Ну, он поел, поставил кастрюлю и ушёл. Мы утром проснулись, а яво нету [73].

№ 14. Рассказ «Встреча с беглым»

Папка мой баран пас на лугу. А я пошла, понесла ему продукты, и – черемки чтоб он мне там насобирали.

«Мне кусок
хлеба положь»

А он [беглый] выходит из падушки-то. Я испугалась, а он-то знал, что это там, папка-то. Он у его часто воровал. Тот [отец] поставит утку ли чё, рыбу ли поймат, он [беглый] у его выташшит из котелка. Папка погонит баран, – он у его выташшит. Потом говорит: «Ты меня не бойся, девка, я тебя каждый раз вижу, как ты ходишь. Ты, – говорит, – когда пойдёшь, мне кусок хлеба и шшепотку табаку вот на этот корень положь». А у нас вот так падушка, поворот крутой, вот так, вот так – крута, глубока падушка, и листовень была, большая, её спилили, и корни-то, дак вот таки по дороге протянулись. «Вот на этот, – говорит, – пень мене положь».

Но я больше его не встречала. Пришла, папке рассказываю. Папка говорит: «Он у меня каждый день, – говорит, – таскат хлеб и всё».

[– Положили ему на пень-то? – *Собир.*]

– Положила. Я пошла когда от папки, он говорит: «Возьми хлеб и табаку положь».

[– А как он выглядел? – *Собир.*]

– Ну как, обросший весь, как этот черт, босиком [74].

№ 15. Рассказ «О беглых»

Идут они по деревне. Звон кругом [от цепей]. Им вытаскивают. Кормят. Мать моя, только услышит: «Ну-ка, девка, смотри-ка, забрякало». И я бегу, несу им. Успевали толкать им. Вот мученики были, кровь течёт везде.

Вот когда бежали с тюрем. Мельница у нас была. Отец пошёл к ней. Темно. Смотрит: стоит человек и ему:

«Не выдай меня,
принеси мне поесть»

– Отец мой, не выдай меня, принеси мне поесть.

Отец воротился, взял еду и опять на мельницу:

– Пошёл я ночевать туда.

Мать ему:

– Ты смотри, утром вернись: бабы коров пойдут доить, увидят.

Схоронился человек до утра на мельнице. Потом отцу подарил книгу политическу.

...Заведено у нас было: в сенях в окошки ставят крынку молока и кусок хлеба. Наутро проснулся – ничего нет.

...От мученики, в кровь сотрут всё, лучше не жить.

...Называли их у нас чалдонами [75].

1. *Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 180.
2. *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т.1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 230–232.
3. *Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 180.
4. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. СПб., 1882. С. 222–223.
5. *Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 114.
6. *Лебедева А.А.* К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 104–188; *Асалханов И.А.* Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963. С. 418.
7. *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке. Сиб. тип. А. Моригеровского, 1872. С. 351–363.
8. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900. С. 261.
9. *Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 180–181; *Марголис А.Д.* Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 года // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 126–140. С. 136; *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке. Сиб. тип. А. Моригеровского, 1872. С. 383; *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. СПб., 1882. С. 170.
10. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. II. Иркутская губерния. Вып. 2. М., 1890. С. 258.
11. *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке. Сиб. тип. А. Моригеровского, 1872. С. 491, 617–636.
12. Словарь русских говоров Прибайкалья: Вып. 3. О-Р. Иркутск, 1987. С. 47.
13. Предание «О названиях падей, реки». Исп. Алексей Лукич Дарниченко (1911 г.р.). Записали в

п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. В. Добродеева, Л. Попова.

14. Предание «Кокушкин батальон». Исп. Федор Абрамович Балагуров (1903 г.р.). Записал в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. В.П. Зиновьев.

15. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900. С. 106–108.

16. Предание «О деде – ссыльном». Исп. Александр Григорьевич Петров (1893 г.р.). Записали в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. О. Казакова, Н. Новикова.

17. Предание «О заселении края русскими». Исп. Борис Григорьевич Артемьев (1926 г.р.). Записали в с. Чалбучи Сретенского района Читинской области в 1977 г. Крюкова, Размахнина, Чередникова.

18. Предание «О происхождении рода Луковниковых». Исп. Моисей Иосифович Луковников (1925 г.р.). Записали в с. Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области в 1978 г. Л.Н. Вылкова, Л.В. Кульпина.

19. Предание «Разгильдеевский режим». Исп. Ксения Константиновна Дружинина (1908 г.р.). Записали в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1977 г. Крюкова, Размахнина, Чередникова.

20. Предание «Про Разгильдеева». Исп. Георгий Никитич Самсонов. Записал в с. Шилко-Завод Сретенского района Читинской области в 1974 г. В.П. Зиновьев.

21. Устный рассказ «О политзаключенных. О декабристах». Исп. Сергей Гаврилович Бутин (1895 г.р.). Записали в с. Нижние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1979 г. И. Смолина, М. Соловьёва.

22. Предание «Чалдоны разорили Кунгару». Исп. Николай Григорьевич Бояркин (1905 г.р.). Записал в с. Курумдюкан Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. В.П. Зиновьев.

23. *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке. Сиб. тип. А. Моригеровского, 1872. С. 454–459, 479–488, 620.

24. Там же. С. 411–412.

25. Устный рассказ «Как детей чалдонами пугают». Исп. Сергей Николаевич Шестаков (1959 г.р.). Записали в с. Бушулей Чернышевского района Читинской области в 1987 г. С.В. Красницкая, ЮА. Макаренко, Е.В. Никулина.

26. *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке. Сиб. тип. А. Моригеровского, 1872. С. 618.

27. Там же. С. 489.

28. Там же. С. 488.

29. Там же. С. 451.
30. Там же. С. 391.
31. Там же. С. 402.
32. Там же. С. 403.
33. Там же. С. 451.
34. Устный рассказ «Помощь бродяжкам». Исп. Филипп Назарьевич Тюкавкин (1906 г.р.). Записали в с. Аксёново-Зилово Чернышевского района Читинской области в 1987 г. П.Е. Грицин, М.Х. Ринчино, С.П. Шеметова.
35. Устный рассказ «Как на “бродяжку” ставили». Исп. Зоя Павловна Сундеева (1923 г.р.). Записали в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. Н.Л. Новикова, М.Р. Соловьёва.
36. Устный рассказ «Хлеб и молоко для беглых». Исп. Евгения Павловна Ломагина (1898 г.р.). Записали в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. Н.Л. Новикова, М.Р. Соловьёва.
37. Устный рассказ «Беглые каторжане через село бегут». Исп. Иван Данилович Кобылкин (1912 г.р.). Записали в с. Бура Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. Э. Лямина, М. Соловьёва, Т. Усова.
38. Устный рассказ «Помощь беглым». Исп. Александр Михайлович Бронников (1945 г.р.). Записали в с. Знаменка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. Н.Г. Онышко, О.В. Сизых.
39. Устный рассказ «Беглые – не бандиты. Молоко и хлеб – для беглых». Исп. Петр Иванович Русин (1905 г.р.). Записал в п. Усть-Карск Сретенского района Читинской области в 1974 г. В.П. Зиновьев.
40. Устный рассказ «Ланцовки». Исп. Михаил Ильич Муратов (1907 г.р.). Записали в с. Луговское Газимурозаводского района Читинской области в 1980 г. Э. Лямина, М. Соловьёва.
41. Устный рассказ «Как беглых кормили». Исп. Фекла Ивановна Мосолова (1912 г.р.). Записали в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. Н.Л. Новикова, М.Р. Соловьёва.
42. *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке. Сиб. тип. А. Моригеровского, 1872. С. 500.
43. Устный рассказ «Чалдон моется в бане». Исп. Федор Абрамович Балагуров (1903 г.р.). Записал в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. В.П. Зиновьев.
44. *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке. Сиб. тип. А. Моригеровского, 1872. С. 391.
45. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900. С. 260.
46. Устный рассказ «Чалдоны в балагане ночуют». Исп. Федор Абрамович Балагуров (1903 г.р.). За-

писал в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. В.П. Зиновьев.

47. Предание «Помощь кузнеца». Исп. Виктор Константинович Кузнецов (1952 г.р.). Записали в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. О. Соболева, М. Соловьёва.

48. Устный рассказ «Помощь». Исп. Кристина Константиновна Дружинина (1898 г.р.). Записали в с. Бори Сретенского района Читинской области в 1979 г. А. Порошина, Н. Скобелкина.

49. Устный рассказ «Помощь беглым ссыльным». Марфа Андреевна Рыкова (1901 г.р.). Записал в п. Дунаево Сретенского района Читинской области в 1974 г. В.П. Зиновьев.

50. *Ядринцев Н.М.* Русская община в тюрьме и ссылке. Сиб. тип. А. Моригеровского, 1872. С. 489.

51. Там же. С. 497.

52. Там же. С. 401.

53. Там же. С. 402.

54. Там же. С. 497.

55. Там же.

56. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900. С. 263.

57. Там же.

58. Там же.

59. *Марголис А.Д.* Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 года // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 126–140.

60. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. СПб., 1882. С. 80.

61. Предание «Падь Ревунья». Исп. Макар Григорьевич Макаров (1897 г.р.). Записали в с. Ералга Сретенского района Читинской области в 1977 г. Горянова, Мазур, Саванжа.

62. Устный рассказ «Беглые каринские узники». Исп. Прасковья Дорофеевна Тонких (1910 г.р.). Записали в с. Бори Сретенского района Читинской области И. Смолина, М. Соловьёва.

63. Устный рассказ «Беглый ломится в дом». Исп. Прасковья Дорофеевна Тонких (1910 г.р.). Записали в с. Бори Сретенского района Читинской области И. Смолина, М. Соловьёва.

64. Устный рассказ (сказ, быль) «Чалдонов поймали». Исп. Тамара Григорьевна Шатковская. Записали в п. Дарасун Карымского района Читинской области в 1975 г. В.А. Жаглова, Е.А. Косолапова, П.Т. Сапунова.

65. Устный рассказ «Девка с чалдонами разделалась». Исп. Ирина Степановна Рязанцева (1899 г.р.). Записал в с. Крупянка Нерчинского района Читинской области в 1976 г. В.П. Зиновьев.

66. Устный рассказ «Работник – бывший разбойник». Исп. Александра Петровна Плотникова (1933 г.р.). Записали в с. Мангидай Сретенского района Читинской области в 1977 г. Н. Скобёлкина, Пикущкая, М. Эссерг.

67. Устный рассказ (сказ) «Разбойники в доме». Исп. Анна Никитична Кустобаева (1930 г.р.). Записали в д. Пешково Нерчинского района Читинской области в 1979 г. И.П. Егорова, Т.И. Труфанова.

68. Устный рассказ (досюльщина – страшная быль) «Женщина разбойника обварила». Исп. Устинья Федоровна Сычёва. Записал на разъезде Шапка Сретенского района Читинской области в 1974 г. В.П. Зиновьев.

69. Предание «О братьях Корякиных». Исп. Анна Ивановна Чукмасова (1929 г.р.). Записали в с. Шилко-Завод Сретенского района Читинской области в 1985 г. Е.Д. Астафьева, Е.Б. Барышева, Е.М. Бобоева.

70. Предание «Про Ланцова». Исп. Степан Григорьевич Сысолятин (1923 г.р.). Записали в д. Копунь Шелопугинского района Читинской области в 1982 г. Л.В. Дробышевская, С.В. Семенов.

71. Устный рассказ «О чалдонах. Мать накормила беглого». Исп. Татьяна Зиновьевна Балагурова (1899 г.р.). Записал в с. Шелопугино Читинской области в 1981 г. В.П. Зиновьев.

72. Устный рассказ (сказ) «Беглый в доме». Исп. Виктор Константинович Кузнецов (1952 г.р.). Записали в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. О. Соболева, М. Соловьёва.

73. Устный рассказ «Бродяга во двор зашел». Исп. Анна Архипьевна Добрынина (1913 г.р.). Записала в с. Мангидай Сретенского района Читинской области в 1984 г. М.Р. Ульянова.

74. Устный рассказ «Встреча с беглым». Исп. Фекла Ивановна Мосолова (1913 г.р.). Записали в с. Верхние Ключи Нерчинского района Читинской области в 1980 г. Н.Л. Новикова, М.Р. Соловьёва.

75. Устный рассказ «О беглых». Исп. Татьяна Ивановна Уфимцева (1901 г.р.). Записали в с. Шелопугино Читинской области в 1976 г. О. Соболева, М. Соловьёва.

